Петр Кожевников

Голова Дракона

"Кроме того, те общие выгоды, которые проистекают из свободной жизни, никем не сознаются, пока они не отняты; заключаются ли они в возможности свободно пользоваться собственным добром, не опасаться за честь жены и детей, не страшиться за свою судьбу; но ведь никто никогда не сочтет себя обязанным тому, кто его не обижает".

Николло Макиавелли, "Рассуждения о первой декаде Тита Ливия".

20 число. Колизей фонтанирует иллюминацией. Олимпиец, конечно, в трусах. Так и есть: на фигуре, якобы парящей на траверзе входа, подразумевается дефицитный хлопок.

Ввиду нарушения толкования суммы буквенных знаков, мне оказывается сложно дифференцировать свое отношение к обилию милиционеров. Там, где собрались люди, для того, чтобы побаловаться эстрадой, это должно удивить. Но что меня может удивить? Меня, как и прочих. Мне не в диковинку очередь, измеряемая от минут до конца жизненного срока. Меня озадачит отсутствие толпы за мясом или туалетной бумагой, джинсами или лицензионными пластинками.

Итак, меня /условно/ не удивила многочисленность стражей порядка. Я независимо поднимаюсь по ступенькам. Вхожу в первую, вторую прозрачную дверь.

Стоп. Я оборачиваюсь из будущего. Дерзкий взгляд пенсионерки в синтетической куртке. Пристальное изучение билета, брезгливое, но энергичное отрывание "контроля", безразличное, ввиду внимания к ожидающим проверки, втирание бумаги в ладонь.

Стоп. Администрация покашивается, будто ему необходима поддержка. "Я же объяснил вам: там!" - и вновь взмах рукой по неопределенной траектории.

Сколько ненависти. Как они несчастны! До чего убоги -

и достойны ли сожаления? Ведь моя жизнь обокрадена за десятилетия до рождения именно этими беспородными безбожниками...

Начнут, как повелось, позже обозначенного часа, и я успею в уборную.

Комфорт и чистота. Простота интерьера позволяет лаконичную уборку: достаточно направить струю шланга.

Банкая раба и господина над писсуаром, я замечаю милиционера, и чувствую себя тотчас неловко, хотя не нарушал правопорядка. Он изучает меня из кафельной кельи и я рад, что готов покинуть помещение.

Водружаюсь, возможно, не на свое место, но по данным обзора мое уже занято. Это обстоятельство обнадеживает возможной раскрепощенностью.

Минуя ряды, стреляет глазами Длинный. Он фиксирует мою воздетую руку, и мы уже рядом.

На сцене - ведущий. Юмор для масс. Наставления к овациям. Первый номер. Оригинальный жанр. "[redacted] "Они - во втором", - отвечает на мой тычок Длинный. Аплодисменты, и вновь конферансье. Утомительная прелюдия. "Александр Розенбаум". Зал доволен.

Несколько лысый человек с усиками. Он далеко, и перископ ассоциаций сообщает, может быть, не точное: Окуджава, Евстигнеев, Басов. Еще в гульканье ведущего я уловил неискренность. Теперь она очевидна в "самовыражении" автора-исполнителя.

"На пленке еще кое-что можно слушать", - дублирует мои мысли Длинный.

Зал бьет в ладони. Много ли им надо? И от кого они теперь могут ждать большего? Вместе с акциями оригинала растет капитал посмертных пайщиков. Банальный образец мимикрии.

Неутомимый клоун. Реклама к обещанным дебютам. Цветок и бабочка. Не все удачно, и в луче софита мелькает то ладонь, то, предположительно, лоб. Ляпы в исполнении еще больше умиляют аудиторию. "Освистай, если хочешь умереть", - сообщаю Длинному. Он с шумным вздохом откидывает голову и медленно опускает кулаки на колени.

Затейник балагурит. Нечто уж совершенно загадочное. Отработанными штрихами вносится ясность. Оркестр телевидения. Возникает девица в балахоне. Песня о кубике Рубика. Я угадываю, что это дочь, по голосу и манере. "Это все - их", - шепчу я в нервное ухо. Сосед матерится и жестикулирует. "Обрати внимание, какой расчет, причем его выполняет сама жизнь, которая адаптировалась к трехглавому чудищу. В первом акте вся некондиция переблюется, начнет возбухать, глянь-ка, сколько ментов. Машутка - их любимица". Длинный имитирует позывы.

Мы гордо огибаем ряды. Энергично спускаемся к выходу. Длинный впереди. "До конца выходить нельзя", - без предисловий упирается в его грудь капельдинерша в нейлоновой униформе. "А если мне надо?" - разводит руки спутник. "Никаких надо. Когда положено, тогда и выйдешь", - обнаруживается милиционер. "Вы, наверное, перепутали: входить нельзя после начала мистерии", - пытаюсь я обратиться полояльней. "Ты сейчас в другом месте будешь шутить". "А почему на ты?" - "Я сказал - назад!" Мент пытается провести Длинному секретный прием для конвоирования. Робкие реплики возмущения с флангов: у стен - те, кто пытался выбраться из зала до нас.

Я оборачиваюсь в прошлое. Нужно было перечеркнуть дальнейшую биографию свободного /условно/ человека и выразить менту искреннее отношение посредством оперативных ударов. И вдруг случилось бы так, что ранее невыпущенные решились бы присоединиться.

Или: расправа и побег. Блюститель охает на полу, а я исчезаю за кулисами.

Но после этого...

А я мог бы переждать в какой-нибудь шахте или декорации.

"Если вам необходим человек, давайте я с вами пойду", - предлагаю себя. Однако мент все же воскресил фрагмент из техники захватов и приник к Длинному словно криминальный любовник. Я вынужден его отъединить. Я становлюсь между ними. "Что мне на тебя делать?" - не унимается спутник.

"Сейчас поговоришь", - напрягается мент. "Иди в зал", - бросаю Длинному через плечо. Мент рыпается. Но я неизменно на его пути. Длинный исчезает. Я более не препятствую. В зале ему, вероятно, запрещено без чрезвычайной надобности отрабатывать борцовские азы. Он топает ко мне: "Пошли!" Я не противлюсь. Я ничего не совершил. Я всего лишь хотел выйти из зала.

Пусть зависнет в вечности ролик из моей жизни. Стиснув в самбистском захвате ветхий свитер, мент препровождает меня в пикет.

Я не помышляю о контрмерах. Как вели себя другие в подобных и гораздо более унизительных и опасных ситуациях? "У человека всегда можно отнять что-то еще", - кажется, так. И у меня, оказывается, накопилось достаточно, чтобы дракон мог вволю повзгоняться. "Учитель, незримый, я подчас отрицаю Тебя, но, может быть, Ты все же существуешь. Дай знак, ободри - я раздавлен."

В дверях штаба ДНД курсант изображает конвоирование. Я озадачен. Этап два - мгновенная метаморфоза. Мент обыкновенно таращится на сидящего за столом капитана. Впрочем, я скверно ориентируюсь в чинах по звездам и прочим знакам отличия. Кажется, у него мерцали на погонах по четыре маленьких звезды. Я так обычно и пытаюсь определить чин: считаю звезды и вспоминаю, по скольку их должно быть у кого, начиная с младшего лейтенанта.

- Хулиганил, орал, мешал представлению, - скороговоркой шпарит мент. Лай превратился в скулеж. - При задержании матерился, оказал сопротивление.

- Да что вы такое говорите, я пальцем вас не тронул и слова грубого не сказал. - Я привстаю.

- Сидеть! - жмет мне на плечо мент с чубом. Мой взгляд блуждает в поисках легендарной машки.

- Слышь, парень, - отягощает рукав пьяный сатир. - Слышь, сядь на место.

- Сопротивлялся?! Напиши как: хватался за мундир, пинался? - Одновременно старший по чину перекладывает телефонные трубки, нажимает клавиши селектора, цыкает на прочих

задержанных.

– Да, рвал шинель, лягнул меня несколько раз. – Чудится, мент готов разреветься. Он продолжает причитать, заполняя бланк рапорта, а после второй, на изначально чистом листе. Я обращаюсь к ним без ориентации на звание, развожу руками и мямлю: "Да что же это, товарищи, да если бы хоть что-то такое". – Роль гнуса, но мне уже несколько жутковато – что совершат со мной серые пугала? "Послушайте, что вы пишите, я же ни в чем не виноват, я просто хотел выйти из зала, я взрослый человек, отец, литератор..."

– А я – коммунист! – Аргументы всасываются в черную дыру Учения.

Приближается рябой мент и начинает хлопать по плечам и ребрам. Да это же обыск! "Что у тебя здесь?" – замирает он в районе голеней. "Сапоги". Искренне улыбаюсь. Мент столбенело упирается в мою обувь. Сапоги чешские, недорогие и вряд ли могут представлять для мента ценность, но они на мне, и, хотя всего лишь первый день, всего пару часов, но они уже заряжены моими флюидами. Впрочем, они могли показаться ему принадлежностью к какому-нибудь из трехбуквенных ведомств.

Мент уставился на обувь, и я вспоминаю Руслана, я обращаюсь к прочим источникам – убийство за сапоги!

Руки дергаются вниз. Неужели я намеревался разуться? Мент презрительно меряет меня взглядом.

Среди сидящих – брань и ссоры. Сосед в шубейке пытается через меня ударить мальчика в аналогичной одежде. "Фамилия?!" – "Скоба". – "Будешь вы....., отправлю в вытрезвитель", – грозит кулаком Четыре Звезды. Его отвлекает возня. Доставлены двое. Дрались. Выясняется, один из них – курсант военного училища. "Что он тебе сделал? – "Куртку разорвал", – чеканит курсант. – "Пиши на возмещение ущерба." – "Да он же мою девушку..." – разевает рот гражданский. "Сядь. Быстро сядь!" – толкает его полный возмущения мент.

Дежурная по залу щурится, она ищет второго. "Послушайте", – начинаю я. "Куда?!" – толкает в плечо русоволосый с улыбкой. Растягиваю в ответ рот: я готов стать подобострас-

ным, лишь бы вырваться из адского круга.

– Прерви хронику, начнешь вновь с красной строки. Вспомни, не присутствовало ли в тебе кроме страха и любопытства тайной веры – все обойдется? И не благодаря невиновности, а в силу проверенной непотопляемости.

Я вновь изучаю присутствующих. Менты из породы развращенных земледельцев. Точнее, из тех, кто занял места земледельцев, истребив истинных.

Среди задержанных – превалирование кричащей нестандартности. Оба соседа в ложных мехах кипят от энергии. Их невоспитанные тела буквально дрясет от гнева и ужаса. Я любуюсь ими, не теша себя надеждой, – они не гарантированы от роковых шагов. В их мозгу заложена модель распада.

Мальчик из семьи торговых работников доказывает свою непричастность к правонарушению. Мне трудно описать, как – это определяется, но, согласитесь, в наше время принадлежность к любому клану чувствуется моментально. Подростка насильно усаживают. Почему им спокойней, когда все сидят? Все ее боятся?

"И снится нам не рокот космодрома..." – шипит из дистрофичного динамика второе отделение.

Заволакивают пьяного парня. Дружок соседа справа ухитрился смыться и добычу усаживают на пустое место. Парень ехидно улыбается. "Что?" – словно по телепатическому зову, наклоняется мент. Парень демонстрирует удостоверение постового милиционера. "Дай сюда", – протягивает руку мент. "Не тебе", – парень водит пальцем и прячет удостоверение. "Товарищ подполковник, – обращается мент к вошедшему, – тут наш попался". – "Сказано было – своих не брать". Высший чин понимающе смотрит на удостоверение: "Больше не напивайся". И к подчиненным: "Армию и флот тоже не брать".

– Товарищ подполковник, – вопреки вето распрямляюсь и подхожу к высшему здесь чину. – Со мной произошла досадная ошибка. Я не оказывал сопротивления и...

– Фамилия? – Взгляд на волосы. Пятнадцать лет назад, когда и я и власть были моложе, их можно было безнаказанно обкарнать. Можно было исполосовать режущим инструментом

брюки. Можно было оставить меня наедине с боевыми сверстниками.

– Вокинжеков. – Две Большие Звезды тасует рапорта.

– Так вот же подпись свидетеля. Это знаешь, чем пахнет? – Я вроде бы улавливаю присутствие серы.

– Да я просто хотел выйти из зала.

– В отделении разберутся.

Вталкивают девицу. За ней следует молодой человек. Она с порога начинает орать на ментов, требует немедленно врача ввиду сердечного приступа. Менты хохочут. Молодой человек деликатно удаляется. "Ты сам пьяный," – отстраняет девица мента. – "Дайте мне позвонить. Я могу умереть!" Хохот, брань хохот. Задержанные стебутся, Скоба резюмирует: "Дура!"

"Кто ей дал контрамарку?" – голос из-за мундиров. – "Кто тебе дал контрамарку?" – "Я вам не собираюсь отвечать!" Четыре Звезды покачивает головой.

"Дай сюда сумку", – вырывает предмет у пьяного мальчика чубастый.

– "Что это?" – "Кимоно. Я дзю-до занимаюсь". – "Тебе в отделении покажут дзю-до!"

"Этого тоже?" – обо мне мент. "Да. Второго дать в помощь?" – ухмыляется капитан. "Не таких бугаев доставлял". – "Да я же ничего не сделал. Ну как так можно?!"

Мы поднимаемся по лестнице. "Наверх?" – недоумеваю я. – "Да, наверх", – будто бы я о чем-то проговорился, повторяет мент. Выходим на плац. Меня запихивают в фургон. Но почему же мы подымались? В какой точке комплекса меня затолкали в машину?

Посмотревший на мои сапоги, сопровождает нас в фургоне. "Ты что, ... твою мать?!" – я нечаянно прошелся по его ногам. Он, может быть, ожидал нападения, обозлился в ситуации, но не был бы шокирован побоями, и тон его странен.

Большинство мальчиков из пикета – здесь. Куда нас везут? На расстрел? Теперь моя очередь метаться в неведении.

Напротив мента расположились два дружинника. Для поддержки? Для контроля общественности?

"Курить по одному!" – командует мент. – "Первыми курят

товарищи дружинники, потом по очереди. Я что сказал?! Сейчас курю я!" – мент замечает у себя сигарету. Он на той стадии опьянения, когда искусственная бодрость сменяется флегмой. Однако мент борется. Его долг – доставить партию нарушителей в отделение, а потом, вплоть до утра, может быть, еще и еще блистать всеми полномочиями вивердшника. – Неизвестно, хорошо или плохо окажется опорожнить еще стакан-другой, хотя, появись означенная возможность, он ни в коем случае не откажется.

"Всем сесть! – багровеет мент. – Я что сказал! Я мужик добрый, но если меня разозлить, тут уж никому не поздоровится". – Он с озорством оглядывает нас: около двух десятков душ и организмов, около двух десятков вселенных. "В отделении на Гужбанской, знаешь, как п...ц!" – смеется мальчик.

В гомоне я оплакиваю эпоху дуэлей. Я вызвал бы после всех пертурбаций каждого из ментов и смыл бы незаслуженный позор в равной схватке. "Ты не смог бы этого сделать. – Опонирует Ассоль из будущего. – Вспомни свое происхождение".

Я молю о войне или хотя бы аварии. Я взбешен и испуган, заинтригован и расстроен, но более всего – бессилен, и это невыносимо.

Они будут причинять мне боль и травмировать мое тело – издеваться над тем, что я созидаю и воспитываю, что мне до сих пор удалось уберечь от огнедышащего зева.

У меня единственное средство. Я обращаюсь к высшим силам с просьбой провести меня сквозь эти испытание и отпустить в мир до истечения суток.

Нас конвоируют в отделение. Я ощущаю исполнение определенного ритуала на каждом этапе сегодняшней пьесы. У меня отсутствуют статистические данные для анализа. Впрочем, все шаманство ментов имеет целью уничтожение личности задержанного – это очевидно.

Нас рассаживают в приемной. За столом – средних лет с сонным лицом. Я почему-то не помню, что было прикреплено к его погонам – звездочки или лычки. За пулепробиваемым оргстеклом – ожиревший богатырь с усами Поддубного. У него, пожалуй, мерцало сколько-то звезд.

Пока не началось дознание и очные ставки, признаюсь, что, несмотря на полную непричастность, в редкие дни я сам мечтаю о высоких знаках отличия. Чур!

Влекут сердечницу. Она тщетно артачится. Я предлагаю ей свое место. Она вроде бы не оценивает неуместной галантности и плюхается на стул посреди дежурной.

Я в общем-то наращиваю и компоную излагаемый материал: не все умещают рамки рассказа, и в него не вошло /не войдет/ то, что было /или не было/. Вкратце о данном моменте: общий гул, окрики, осторожный стеб, задержанных разъединяют, уводят, из соседнего коридора слышны гаммы возмущения. Наследник торговых работников передает своему соседу зажигалку. "Вы думаете, вас здесь будут грабить?", - замечает манипуляции усач. - Вас здесь не собираются грабить". Ребята смущены. Предмет возвращается хозяину.

Девица не желает угомониться. Она требует медицинскую помощь, восклицает диагноз, рвется к телефонному аппарату. Ей сулят камеру. Их - две. Первая обозревается не вся через смотровое стекло, но в ней, видимо, ни души. Во второй, маловерной, не по славянскому гостеприимству, - скромно сидит прилично одетая особа. Воспитанный официальным так называемым искусством, тотчас угадает именно в ней наиболее коварного рецидивиста. Я не представляю, в чем ее вина. На языке сохнет вопрос к ментам, но обращение "скажите, а эта женщина..." и так далее прозвучит чересчур наивно, и я продолжаю фиксировать материал.

Девицу определяют в камеру. "Люся, научи ее, как себя вести"; - несколько по-родственному обращается мент к загадочной персоне. Может быть, она посажена для урезонивания крикунов?

Девица плюет в милиционера. Он отскакивает, смеется: "Ну, еще разок!" и шагает в камеру. Плевок. Мент выходит и захлопывает дверь.

Я вспоминаю о молчаливой клятве, данной непокорной девушке. Я тоже клянусь охмелевшей истеричке запечатлеть в документальной прозе непредвиденные мытарства. Клянусь и улыбаюсь тому, что оба мы - гномики по сравнению с духом привы-

девшихся стоиков.

Самое страшное все-таки смерть, но я согласен выбрать ее, лишь бы не физическая расправа. Смирюсь со словесной грубостью, но не стерплю насилия. Признаться, меня в детстве столько били, что я неуправляем после пощечины. А вдруг стерплю? Это ведь надежда на благополучный исход. Их умение раздавливать личность послужит анестезией. Что у меня, собственно, имеется? Вера, идея? Так, если всерьез. Впрочем, это и составляет их первоочередную задачу: чтобы я осознал себя ничтожеством, тогда со мной можно обращаться как заблагорассудится. Мертвецы, вы ищете ахиллесову пяту? Полагаю, сегодня она не обнаружится.

Дежурный подзывает по очереди к столу, или просто громко произносит фамилию с места, или не спрашивает повторно данных, а тычет пальцем в рапорт как бы в назидание третьему, видимо ассистенту, также усатому, только "по-польски".

Скоба просится в туалет. Я тоже непрочь, но они могут заподозрить в этом намерение убежать, и я остаюсь в нерешимости.

Мент вводит толстуху с алкогольно-проститутским брюхом и мужичка-сутенера. Толстуха матерински оглядывает аудиторию. Мужичонка /такими обычно изображают шпиков III отделения/ ищет правильный стиль поведения.

Прощупывание и ликвидация шарфов и шнурков. "Да ты думаешь, я из-за такого пустяка на суецидную пойду?" - сценически оскаливается толстуха. Ее приглашают в маломерную камеру.

Приводят Скобу. В коридоре маячит баскетбольного ГОСТа экзекутор в штатском. Притворяет дверь. "Инспектор уголовного розыска".

Скоба просится домой. Менты потешаются над его наивностью. Скоба возмущается. Ему грозят рукоприкладством. Табличка "Инспектор..." изменяет проекцию вместе с дверью. Выглядывает низкорослый экзекутор в штатском. Скоба просится в камеру. Женщин перебазируют в просторный карцер. Скобу вкупе с сутенером - в малогабаритный.

Я заявляю насчет туалета. Ассистент препровождает меня. В дереве высверлена дыра. Пусть он подойдет, приблизит глаз,

а я ткну... пальцем.

Возвращаясь из гальона, различаю гул ударов. "Кого-то уже пустили в обработку?" Шум несется из большой камеры. "Наверное, Люся с толстухой преподают уроки смирения сердечнице". Нет, это она сама колотит сапогами в дверь и поносит ментов.

Несовершеннолетних по одному отпускают. Поклоны благодарности. "А можно вернуться на концерт?" - "Оттуда вернешься сюда!"

Мальчиков из коридора запускают в холл. Сидящий негромко общается с каждым.

Выпускают Скобу. Урожай из комплекса сократился до пяти человек. Девица, дэодоист, Скоба, некто пьяный и я.

Из камеры стук. Брезгливая маска толстухи. "Она сейчас задохнется". Мент забегает в камеру и за меховой ворот выволакивает, будто нашкодившую кошку, девицу. Она блюет влет. Мент запихивает ее в клозет.

Богатырь продолжает меня исследовать. Он прохаживается наискосок по дежурке, облокачивается на стойку у стола младшего по званию. Под галифе колышется бабье бедро.

"Слушайте, мы же русские люди!" - Нет, не так. "Ребята, я могу вас спасти!" - Не то. "Сейчас вы скоты, но я..." - Ну уж!

Не пора ли вытянуть фант с одной из теорий. Например, о том, что человечество группируется на три части: волки, овцы и всеядные. Так что же, овца? Или волк на псарне? Тогда натянем поубедительнее кудрявую шкуру.

Мой теперешний арсенал? Сугубо диверсионные атрибуты: зрение, слух, память. И - голос. Разумеется, после, когда выберусь из выгребной ямы.

Меня, в целом, утешает мой дар, у большинства нет и этого, так чем же им оплатить заботу?

Богатырь манит пальцем-пенисозаменителем /они этого не понимают!/ из-за слюнонепроницаемого плексиглаза. С ученической готовностью и собачьей покорностью захожу в отсек. Он сидит /живот между колен/ - я стою.

Богатырь: Как же ты так?

Автор: Да я ничего, собственно, не нарушил. Я просто...

Богатырь: А это?

Автор: Он не разобрался в ситуации. Разве я похож на хулигана? Я практически вообще не пью. Да чтоб я когда-нибудь позволил себе что-то такое...

Богатырь: А это?

Автор: Она очень спешила и ей было не до объективности. Вы понимаете, я ведь не гопник из подворотни. У меня семья, дети.

Богатырь: Сколько?

Автор: Двое.

Богатырь: Деньги на штраф есть?

Автор: Как назло одна мелочь.

Старший по чину рвет рапорт. Я рад.

Богатырь: Подойди к нему. Запиши со слов и отпусти.

Автор: Спасибо! /Поклон/. Спасибо большое. Вы не представляете, как я вам благодарен.

Я не видел его лица. Я повернулся спиной и подошел к младшему по званию.

Он: Сядь.

Я /уклоняясь от перегара/: Спасибо.

Он: Вокинжеков Петр Владимович.

Я: Валерьевич.

Он: 53 года рождения, проспект...

Я: Так точно. Двести восемьдесят пять.

Он: И не стыдно тебе?

Я: Ужас как стыдно, буквально готов повеситься. Вы знаете, я ведь ничего не совершил. У меня брат в МВД служит. Я всегда уважал милицию. Я и работаю рядом с Речной милицией. Да меня в жизни никуда не забирали.

Он: А если сообщим о твоем поведении по месту работы?

Я: Так я же...

Он: Придешь в среду.

Я: На собеседование?

Он: Да, принесешь.

Я: Что, характеристику?

Он: Слушай, мы же мужики. Я по закону обязан тебя согласно рапорта оформить на пятнадцать суток за хулиганство.

Я: Да я же только...

Он: Я там не был. Ты все понял?

Я: Сколько?

Он: Ну уж ты сам подумай. Только никому не говори, что здесь был. Жене не говори.

Я: Да что вы, она умрет, если узнает. В среду во сколько подъехать?

Он: Когда сможешь. Мы сутки дежурим. Если меня не найдешь, отдашь ему. Все равно кому, понял?

Я: Да.

Он: Только никому не говори.

Я: Да что вы, конечно, зачем я буду трепаться? Вы меня так выручили, спасибо сердечное. До свидания.

Он: До свидания.

Я: Спасибо вам.

Еще раз прощаюсь с Богатырем. Трое задержанных сидят на спаренных стульях. Девица дремлет в карцере. Я прощаюсь с ассистентом. Я на пороге.

Младший по чину благодетель-в дверях: "Так ты все понял? Никому не говори. Жене не говори. В среду придешь". Китель распахнут. Мерцает папироска. Меркнут погоны. Я удаляюсь.

У них отсутствует чувство меры. Они алчны. Я даю, он возмущается, топает ногами, составляет с Богатырем документ, и вдвоем напрягают меня возвести взятку во вторую степень.

"Из-за случай нельзя обвинять систему", - начнет мама. "Сколько раз мы тебе внушали - ни во что не вмешивайся", - ворвется в исповедь сестра.

Может быть, сходить в церковь? А если священник куплен? Так оно наверняка и есть.

Обратиться в "Человек и закон"? Все синхронно изложить. Со мной отправят сотрудника. Снабдят меченой купюрой. Я вручу ее одному из двоих. Лучше младшему, поскольку он, наверное, обычно сшибает. Младший сразу расколется. Что у него за душой?

Сейчас же поеду в Большой Дом. Или предварительно проконсультироваться с Адвокатессой? А нельзя ли найти опеку в лице "Клуба"? Что если сейчас позвонить Ассоль, чтобы она телефонировала в отделение, поинтересовалась, где я: якобы вместе ходили на концерт, и кто-то ей сообщил там или позво-

нил после, что я задержан...

Может быть, не носить денег и просто все забыть?

Может быть, использовать сюжет? Неудача или удача? Не я ли маялся отсутствием за последние недели "творческих командировок"? Ожидаемая в отделении плата - это как бы за билет. То, что не ублажил слух "Землянами" - не напоминание ли о миссии?

Философствую далее: я действительно, хотя абсолютно символически, отстранял мента. Он, как представитель власти, осерчал. Составление им рапорта - следствие злобы и непорядочности. Подпись униформистки под документом понятна: менты - ее опора, хотя, с другой стороны, она-то уж видела мою невиновность. Череда милиционеров до приезда в отделение, в общем-то, ни при чем. Дежурные - даже спасители, если не наврали мне относительно законных последствий рапортишек. Пятнадцать суток, пожалуй, не обязательны для развития темы.

Может быть, никого не вовлекать в мою новеллу, покорно сунуть ментам бабки и постараться забыть. Меня разве мало уникали?

Я уступаю вам копченую колбасу и Пугачеву, уличные термометры и Розенбаума... Я готов... Я... Это все их. Что не зачислено еще в ряд потребления и дефицита: эпилепсия, инакомыслие, самоубийство? Я должен был умереть там, в бытовке преступников, или позже, в отделении, или еще позже, на реанимации, или в загородной канаве.

Да, я не смогу свыкнуться с мыслью, что должен за них молиться - мне хочется их убивать!

Такой маленький домик, эдакий теремок-модерн, и сколько в нем вершится судеб! Я не в силах испепелить отделение взглядом, я даже не в состоянии обречь мафиоза на инфаркт.

Аквариум комплекса светится между насаждений парка. После общения с ментами мною потеряна ориентация, видимо, часть меня, все же отправлена в медвытрезвитель. Я, оказывается, совсем рядом, но почему-то задаю вопрос о местонахождении метро курсанту-артиллеристу. Я делаю это робко, потому что боюсь теперь любой формы, боюсь, боюсь, боюсь...

Хмельная семейно-родственная группа - и я сторонюсь: всякое может произойти, а второй тур повлечет увеличение тарифа.

Автобус объезжает корону комплексов. Перед конечной остановкой салон заполняют истерично-веселые люди в алкогольно-приподнятом настроении. Дым и перегар. Мат. "Ты хочешь воспринимать отрицательное - сознайся в этом". - "Нет, я не пристрастен. Взгляни, они из ада."

Финиш. Исторгнутое общество ничтожно по сравнению с лавиной, уминающейся в метро. Старательно огибаю желтые ограждения. Толпа всасывает меня. Менты с мегафонами координируют напор человеческой массы. Любой из них полномочен выволочь меня из людского потока.

Властное лицо контролера. Гомон, толчки, запахи, сиплые записи второго отделения. "Я наказан. Также как в пионерлагере - "Никакого кино!", как в ПТУ - "Останешься натирать полы!" Я поставлен лицом к стене. Руки... Куда же деть руки? приближается величественный фас за полусферой стекла. Заминка схода.

Я располагаюсь в непешеходном углу. Я намерен дождаться Длинного. Между прохожих мелькает азиатское личико мента. Он не забывает о моем присутствии. Периодически к поездам проходят менты. То-то славно будет в их череде опознать исходного.

Поток редеет. Азиат закончил обеспечение посадки в последние двери состава без инцидентов и проволочек. Насупротив меня прислонился пьяный постовой, отпущенный на продолжение зрелища. Он неуверенно на меня смотрит. А если признает врага? Перехидаю еще один поезд, чтобы избежать попутчика с ментовским удостоверением. В вагоне рядом со мной устраивается кавалер сердечницы. Встреченные свидетели моей драмы, да и вообще все, словно бы актеры, которые возвращаются после спектакля.

21 число. Ночью мне снятся манипуляции с телом сердечницы. Менты близки к оргазму. Их натруженные на чужих скулах кулаки сомкнуты в "замки". Сердечница напоминает подвесной мост между двумя бастионами. Ассистент изнемогает на стреме. Внезапно - весенний маршрут. Не мудрено - там

я был как бы свободен. Во всяком случае, ощущал себя старшим братом. Мы отстаем с матерью от автобуса. После не найти отель. Лейпциг или Карл-Маркс-Штадт? Квартира однополчанки. Мать нервничает. Гимназия в Воронеже. Произвожу акробатические этюды перед детворой...

- Их жизнь компостирует каждого. Я некомплектен, и вот, вспомни: мой жетон на существование пробит всеми диспансерами. Дурдом. Органн. Я разве что не побывал еще на зоне.

- Кэп кивает. Дорогой, если бы я умел одалживать свой дар!

Слева шагает Длинный. Я не в состоянии начать разговор. Я должен объяснить ему. Он наверное не все правильно понимает. Я мог бы привычно обозначить графитом:

1. Брящал оружием, не имея нужды его [redacted] применять.

2. Не поинтересовался моей судьбой.

3. Присутствовал на втором отделении.

Ввиду допускаемого удельного веса он бы без труда выплыл из омута.

Для меня же пребывает пока в будущем времени в случае невручения взятки, а может быть и в случае откупа;

1. Бумага на работу, отсюда:

А/. Товарищеский суд.

Б/. Лишение ежемесячной и ежеквартальной премий и, автоматом, тринадцатой зарплаты.

В/. Позор, новое мнение и отрицательная характеристика в случае ее необходимости

При желании разобрачить взяточников и добиться извинения от исходного мента и униформистки:

1. Обвинение в клевете, ввиду отсутствия свидетелей, четырех обвиняемых должностных лиц и собственной чужеродности, отсюда:

А/. Поворот в мою сторону второй головы Дракона и недовольство третьей ввиду непринесения своевременной жертвы.

Б/. Уголовное дело, раскопки моей биографической археологии.

В/. Психиатрическое освидетельствование и, скорее всего, курс лечения для ликвидации творческого процесса.

22 число. – Представляешь, мы бы так же стебались после допроса с применением медпрепаратов, электрического тока и славянского гуманизма. – Я щурюсь в иллюминатор. В свете прожектора вмерзшие катера приобретают отстраненность, хотя на одном из судов коротает свою жизнь с пятнушницей пьяный моторист.

... – Я пропускаю ответ. Кэп, может быть, промолчал, а, вероятнее, ничего не слышал. Да, я же ни слова и не произнес. Я только подумал.

– Так же стебались перед расправой миллионы людей в жерновах мельницы "кто – кого". Да, это все, что у нас остается – стеб и проклятье.

23 число. – Ты ведь ничего не подписывал? – Нет. – А так ли? За что-то я ведь расписывался. Хотя это, пожалуй, в день получки.

26 число. Мне снилась моя первая женщина. Мы на ее старой квартире. Антиквариат обстановки – категория раритетов – мне не по себе. Белое вино. Дым. Близость. "Надо же! Ты совсем не изменилась! Постой, ты даже моложе. Ты просто девочка!"

Заходит мать. Она ищет меня.

Я штурмую с женой и сыновьями сплоченный бурьян. Обозримый ландшафт теряет сложность перехода. Несколько троп. Мы проваливаемся. "Поддержи детей – они легче", – кричу и пытаюсь помочь. Мы вдвоем препятствуем всасыванию малышей. "Я самый тяжелый", – доходит до меня. Мне нечем дышать...

Я непременно напишу в прокуратуру. Изложу все по пунктам. Все равно когда-то придется начать войну. Впрочем, не точно. Придется лишь обнаружить себя. И что дальше? Безоружный против чудовища с прирастающими головами? Но это – долг. Я просто не могу иначе.

И что, никак не стерпеть? Что ты из себя строишь? Над тобой не ломали шпагу, на тебе не завязывали мешок, тебя не заталкивали в летательный аппарат – продолжить? Тебе лишь символически закатили пощечину. Это даже улучшает кровообращение. Тебе напомнили, что ты всего лишь раб.

И, главное, к чему преждевременно светиться? Ты не

предполагаешь возможного интервала перед следующей вещью? Или...

30 число. Итак, минуло десять дней. Я мог бы дать подробную хронику каждого, описать, как я повторял разным людям по сути одно и то же, как меня консультировали, что советовали, и перечислить мои импульсивные решения, мог бы, но, опасаюсь, планируемая форма рассказа перерастет в повесть, а то еще и в роман - как тогда быть? Я ведь не профессионал в том смысле, что не обеспечиваю свое существование литературным трудом, то есть, не получил пока ни гроша ни в какой валюте. Неизменный цейтнот не позволяет работать с объемными штуками. Знаете, пока все вытряхнешь из папки, рассортируешь, так уже и глаза слипаются. Устал!

Итак, ограничусь пунктиром полутора недель...

Я оцениваю свое отражение в стеклянной вывеске "Городская прокуратура. Приемная". Никто за дверьми пока ничего не знает, никто не видел, как в недалекой подворотне я осенил себя троекратным крестным знамением.

В комнате ожидания - двое. Ей хотелось бы занять место Гурченко. Она даже сердится порой на свой знаменитый оригинал. Он - синтез поздних героев Габена и актеров театра Кабуки.

Я дергаю ручки дверей.

- Вы что же думаете, мы здесь собрались ради собственного удовольствия. - Пульсирует веками Гурченко-2.

- Молодой человек, вы считаете, раз сами сюда явились, так вас очень ждут. - По-жабьи замер Габен из Кабуки.

- Мы скоро станем кусаться. - Очаровываю Гурченко-2.

- Вы до этого можете довести. - Смягчается Габен.

Нам уже весело. Любопытствую о перспективах визита. Старик указывает на кабинет дежурного прокурора. Он не отрывается от заполнения регистрационных карточек.

- Хотите кого-нибудь засадить? - Ощущение, что я обоих уже видел, пугает.

- Если бы мог, то вас. - Почему все так знакомо?

- Он - адвокат. - Шепчет Гурченко. Я пытаюсь раскрутить ее на исповедь. Это не требует изощрений - соседка

тотчас выкладывает свой сюжет.

– Я работала начальником снабжения. Сколько можно участвовать в махинациях? Уволилась. – Она сыпет даты и факты, дед уныло хмыкает, я хочу, однако смотрю с участием, и даже как бы с восторгом.

– Решили меня вернуть силой. Прихожу с работы – дверь опечатана. Я бумажку сорвала – живу. Вот ука... Теперь со служебной площади не выселят. Это было... – даты и факты. Входит молодая особа. Я не решил, уместно ли вкомпоновать в мою биографию новый роман, но, повинуясь неутоленности, дико скашиваю глаз. Особа повторяет мои метания между трех дверей. "Вы же видите, что все сидят. Чем вы нас лучше? У них обед..." – и так далее саркастически ворчит Габен из Кабуки.

– Я выхожу из душа, меня хватают два милиционера и волокут в машину. И посадили, представьте, в железную клетку. – Я уже запинаюсь в перебивке монолога Гурченко-2. Она одна, пожалуй, способна разрушить рамки посильных мне литературных габаритов.

Холл заполняется просителями. Да, вновьприбывшая, а что, собственно, вновьприбывшая, я вот уже и не знаю.

– Шестьсот десять книг и все рваные. Что же, я спрашиваю, макулатуру собралась сдавать? Все платья – ветхие.

– Скажите, кто последний к Рьяному?

– А вы, молодой человек, не смейтесь! Вы, наверное, не сидели.

– У каждого своя реакция.

– Я тут до обеда занимал.

– А когда у них обед кончится?

– Да здесь же все написано. Господи, уже на языке мозоль.

– Мебель ломаная. Конечно, они так все швыряли, что и танк бы сломался. Я как протокол прочитала, задала вопрос: Что же у нас в стране – нищие?

– Я тут за мужчиной с портфелем занимала.

– А вы к Рьяному? Или к дежурному прокурору?

– Молодой человек, у вас истерика?

– Скажите, а с моим делом к кому?

– А со мной вы не представляете, что творят! Все началось с попытки ограбления. Один оказался сыном участкового терапевта.

– Да, лучше никуда не обращаться.

– И вы знаете, она восемь лет отсидела и снова жалобу написала.

– Ну это уже тут не в порядке.

– Да почему?!

– А вы знаете, для чего жить?

– Я им говорю: не вернусь, что хотите творите. А лучше не связывайтесь со мной. Я между прочим такое знаю, что некоторым сидеть и сидеть, а то и похуже.

– Жена терапевта попросила знакомого психиатра, чтобы он прислал за мной машину. Меня так избили! Женщина била и кричала: "Помогите!" Я кричу и она кричит. Кому же помогут? Двое из фургона выскочили, еще двух пьяниц с улицы позвали. У меня здесь все было синее и зуб выбит.

– Я тут занимал за кем-то к дежурному.

– Я могу показать, где километры газопроводных труб просто так закопаны на миллионы рублей. Для потомков! Знаю, где люди закопаны!

– Вот и подумаешь: ждать свою очередь или уйти потихоньку.

– Да они же любого нормального дураком сделают.

– А оказались детьми обкомовских работников. Участковый говорит: писать не рекомендую. Лучше забудьте.

– И мне советуют: считайте, что вам все приснилось. Да как же так приснилось! Написала на главного психиатра экспертной комиссии. Сто человек в коридоре, один кран, тем более женщины, за двадцать минут надо собраться. Двое мужчин для укола заваливают. Пробовала голодать, предупреждают: прекратите, а то мы вас через зонд накормим. Я уж знаю, чем они накормят.

– Главное, они не дают написать в Москву на обжалование. Я сама только после суда узнала, мне молодой человек рассказал.

– Мне негде жить. Ночую у подруги. Так они выследили и подругу стращают: выселим. Я могу пойти в притон. Я знаю не один притон, не официальный, конечно. Я сама для начальства девочек из общежития вызванивала.

– Ну, неправда, он же налаживает. Стало заметно лучше. Пьяных меньше.

– Просто рабочих меньше, все рвутся штаны протирать.

– Так вы в какую дверь?

Забегает особа в голубом комплекте. Приемщица стеклотары и прокурор – стандарт один. От нее я жду совета или принятия мер?

– Честь и благородство – качества канули вместе с эпохой. Баланса "именитых" и "подлых" более не существует. Гамлет, Дон Кихот, Граф Безухов – судьба противопоставляла их сотням ничтожеств, но от героев у нас не осталось ни одного гена.

Прокурор слишком внимательна к телефонным звонкам. Даже в случае ошибки в номере она подробно выспрашивает, кто надобен и по какому вопросу. Я ощущаю, как загипнотизированное существо, потея, выкладывает должностному лицу всю подноготную.

– Напишите, конечно, напишите все как было. – Заключает юрист.

– Скажите, а мне не будет от этого плохо? У меня ведь нет свидетелей вымогания денег? – Наверняка, как выйду на улицу, так она позвонит в отделение, и сообщит подробно о моих сомнениях.

– Почему? Вас шантажировали. Заявление отвезите в прокуратуру района. На основании его проведут служебное расследование.

<u>3 число следующего календарного месяца.</u> –Теперь мне надо поспешить на аудиенцию к Адвокатессе – рассказ пора завершать...

<u>9 число</u>. Молча кладу на стол машинописный подмалевок. Сейчас она коснется замаранного титула лезвием ногтя. Спросит: "Что это?"

Она произвела ритуал и приступила. Я мигрирую по квар-

тире. У меня масса дел, своим количеством по отношению к реально выделяемому времени их выполнение устремляется в бесконечность.

Меня заботит мнение, хотя убежден в ощутимом прогрессе.

– Он интересовался твоей семьей? – Ассоль расправляется с окурком.

– Да, он даже продублировал "Мене-ни слова". – На часах – два. Неплохо бы прилечь. Утром на вахту. – Попробую завтра дописать.

– Ты все-таки съезди к Адвокатессе. – Ассоль завершает корректуру и редактуру.

– Думаешь, она рекомендует беспроигрышный вариант? Впрочем, если я не соберусь на консультацию еще с неделю, то полечу и с ментовкой и с рассказом. – Стрелки беспощадны. Появляется "ощущение шлема". Рассеиваются мысли и затрудняется речь. Спать!

– Ты, когда закончишь, отнесешь это в Клуб? – Двумя пальцами она стягивает в гармошку кожный покров на лбу. – Спать, но не сразу.

– Конечно, в клуб, а куда же еще? – Предчувствие чистки и возможных последствий. – Так все надоело, что просто безразлично.

– А потом?

<u>12 число</u>. Опасение испортить предмет прозы отсутствием эпилога, либо наличием некачественной развязки, не позволяет долее растягивать интервал в процессе, но я, по причинам внешним и внутренним, а, главное, руководствуясь /и не руководствуясь/ намеками тайных сил, до сего часа /22,07/ не навестил Адвокатессу, так что принужден (ха-ха!/ внедрить в хронику абзац фантазии, хотя, до ознакомления с вещью немногочисленного круга, не смогу наверняка угадать, окажется задуманная вариация менее или более убедительной, нежели прочий материал...

Кстати заметить, прервал, дабы реставрировать фрагмент 9 числа. Теперь – к Адвокатессе.

Завтра – на вахту, а, значит, в среду, предварительно обусловив свидание, я встречаюсь...

По порядку: вход, приветствие, поклоны от родни, вопросы и ответы, относительно семьи и быта, и - к делу. Несколько профессиональных вопросов. Эдакая аутопунктура. Она понимает, что меня интересует то, о чем она в состоянии информировать не официальным языком юриста, а лишь по-родственному, что вот-де, если попробовать так и так. Она бы, оказывается, и рада, да вот беда /я не стебусь над ней!/; если на следствии о неправомерности курсанта на концерте я смогу представить пару очевидцев из своих спутников, то из тех, кто присутствовал в отделении, я если кого и разыщу, то они вряд ли подпишутся под моими обвинениями, к тому же к моменту вымогательства остались только пьяные, да и они, конечно, не слышали шепота дежурных. Вот если бы я сразу сделал экспертизу. Вот если бы я тотчас обратился туда-то и туда-то. Я - виноват! - Согласен. - Я спасовал и растерялся. Теперь, конечно, можно, но ведь прошло уже... А, вобщем-то, с каждым случаются в жизни неприятности, о которых потом не хочется вспоминать. Надо быть предельно осторожным. Да, понятно, унизительно, но это лишь чувства, слова, а в данном эпизоде на весы желательно класть только подтвержденные факты. Да, если что будет нужно, то в любой день, только вначале по телефону.

13 число. Истекли сутки и, хотя я пишу это до 00ч.00м., но мне необходимо определить время, чтобы опустить занавес. Это можно было сделать и раньше, и я бы не испытал теперешних сложностей с эпилогом. Нужно что-то закрутить еще, завязать и разорвать - бам-бум-хлоп! - конец, но я все еще продолжаю, мне охота еще поболтать с самим собой посредством пера и бумаги. /Заметьте, какая масса несоответствий в прозе и бытие, но займитесь счетом самостоятельно, как-нибудь после, мне действительно пора завершать/.

Лучше всего мыслится пригласить читателя на экскурсию в мой лимбико-ретикуляторный комплекс где-нибудь через час с четвертью. Но я не в силах, а посему не имею более выбора и перехожу к резюме.

"30 плюс Х" - сегодняшняя сумма моей жизни. Из известного числа уже ничего нельзя вычесть, однако, через "у" лет

настанет пора, когда столь же трудно станет прилюсовывать новые значения. Это случится после того, как трехглавый Дракон всерьез изберет меня своей добычей. Точнее, когда я окажусь достоин того, чтобы стать жертвой.

ооооооооо